

Александра Ильф

За золотым руном, или Странствия командора

Роман «Золотой теленок», задуманный Ильей Ильфом и Евгением Петровым как продолжение и завершение «Двенадцати стульев», был напечатан в московском журнале «30 дней» в 1931 году. Первое книжное издание появилось весной 1933 года.

Напомним историю главного персонажа романа «Двенадцать стульев» – Остапа Бендера. Евгений Петров вспоминал, что первоначально, когда они с Ильфом приступили к совместной работе, «Остап Бендер был задуман как второстепенная фигура, почти что эпизодическое лицо. Для него у нас была приготовлена фраза, которую мы слышали от одного нашего знакомого миллиардиста: «Ключ от квартиры, где деньги лежат». Но Бендер стал постепенно выпирать из приготовленных для него рамок. Скоро мы уже не могли с ним сладить. К концу романа мы обращались с ним как с живым человеком и часто сердились на него за нахальство, с которым он пролезал почти в каждую главу».

Думаю, читатель не забыл сюжет первого романа, подаренный молодым журналистам «мэтром» Валентином Катаевым: «Поиски бриллиантов, спрятанных в одном из двенадцати стульев, разбросанных революцией по стране». Тему развивает современник и друг соавторов Виктор Шкловский:

«В схеме, предложенной Катаевым, Остапа Бендера не было. Героем был задуман Воробьянинов и, вероятно, дьякон, который теперь почти исчез из романа.

Бендер вырос на событиях, из спутника героя, из традиционного слуги, разрешающего традиционные затруднения основного героя, Бендер сделался стихией романа, мотивировкой приключений.

Несмотря на смерть, он, как настоящий удавшийся герой, ожил. Он был убит, но не исчерпан.

Герои же романов приключений могут быть только исчерпаны, а не убиты.

Он ожил в «Золотом теленке».

Евгений Петров рассказывал: «...Мы поспорили о том, убивать Остапа или нет. Действительно, были приготовлены две бумажки. На одной из них мы изобразили череп и две косточки. И судьба великого комбинатора была решена при помощи маленькой лотереи. Впоследствии мы очень досадовали на это легкомыслие, которое можно было объяснить лишь молодостью и слишком большим запасом веселья».

В «Золотом теленке» снова появляется Остап Бендер: он воскрес, как Шерлок Холмс в рассказе Конан Дойла «Пустой дом». Если вы помните, в романе «Двенадцать стульев» Бендер погибает от руки Воробьянинова (ему перерезали горло, как итальянцу в конан-дойлевском рассказе «Шесть Наполеонов»). Бендер вновь предстает «главным действующим лицом романа, самой сильной его пружиной» (как называл его В. Катаев), «стихией романа, мотивировкой приключений» (как называл его В. Шкловский).

Но какие приключения в этой книге? Почему мы собираемся говорить о путешествиях?

Как ни странно, в ответ процитируем не оценки советских критиков и литературоведов, а явно «антисоветский» рекламный текст, помещенный на суперобложке первого издания «Золотого теленка» на английском языке, вышедшего в свет в Нью-Йорке в 1931 году:

**Книга, которая слишком смешна,
чтобы быть опубликованной в России!**

Роман насыщен юмором и сатирой; хороший вкус авторов очевиден. Герой – Остап Бендер – поглощен погоней за богатством. С тремя помощниками путешествует он по России в трясущейся автоколымаге, чтобы найти миллионера и избавить его от миллионов. Планы и приключения этого беспардонного, но весьма привлекательного квартета – захватывающее чтение, и сегодняшняя Россия разворачивается, как карта, под колесами их фантастической колесницы.

Несмотря на ехидство американских издателей, с ними нельзя не согласиться: тогдашняя Россия разворачивается перед нами, как географическая карта, увлекающая в путешествие. «Золотой теленок» – не только прекрасный сатирический роман, но и увлекательная книга путешествий и приключений.

По законам жанра путешествие протекает в поисках. Поиски рождают приключения. Фабула романа – спрятанное богатство, которое нужно найти.

События развиваются под знаком пути, с постепенным повышением «ранга» передвижения. Роман начинается торжественной одой пешеходу: «Пешеходов надо любить». Следующий этап: герои трясутся на дряхлой «Антилопе», с завистью наблюдая настоящий автопробег: «Да, – сказал Остап, – теперь я и сам вижу, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения». Апофеоз железной дороги: литерный поезд, идущий на открытие Турксиба. Турксиб – мотив, связанный с архетипами дороги и движения, это символический путь в новую жизнь. В дальнейшем ранг передвижения снижается: верблюд, поезд и, наконец, извозчик. Реку Днестр главный герой пытается перейти пешком.

Путешествие Бендера и его спутников можно уподобить плаванию на суденышке (паруснике?) «Антилопа», от одного острова к другому (островок Арбатов, большой остров Черноморск). Названия географических точек в основном вымышлены или анонимны (Арбатов, Удоев, Черноморск, «небольшая виноградная республика»).

Передвижению главных персонажей соответствуют «морские», навигационные метафоры: «Скумбриевич попытался взять курс на берег, но Остап отрезал ему дорогу и погнал в открытое море»; «Козлевич получил брелок в виде компаса...»; «Курс на восток! – командует Остап. – У вас есть прекрасный навигационный прибор – компас-брелок»; «Они шли посреди улицы, держась за руки и раскачиваясь, словно матросы в чужеземном порту. Рыжий Балаганов, и впрямь похожий на молодого боцмана, затянул морскую песню». Декларация Остапа: «Приходится действовать не только на суше, но и на море». Мотив моря тесно связан с действиями героев: «Титаническая борьба на морском берегу». «Остап кричал, как морской царь». Он «стойко выдерживает

натиск фронтальных и боковых ветров», отдает команды: «Малый ход», «Полный ход!». Еще несколько «морских» ассоциаций: «Паниковский, перебирая ногами, ухватился за кузов, потом налег на борт животом, перевалился в машину, как купающийся в лодку, и... упал на дно»; «Антилопа» на своей стоянке издавала корабельные скрипы»; «В этом флотском борще плавают обломки кораблекрушения» (последняя фраза недвусмысленно говорит о полной неудаче мероприятия).

Командор (то есть капитан) автопробега полагает, что «машина, как военный корабль, должна иметь собственное имя», и присваивает ей название «Антилопа-Гну». Здесь уместно вспомнить, что «Антилопа» – имя корабля Гулливера, на котором тот отправился в плавание в 1699 году.

Сюжет путешествия вписывается в достопримечательности посещаемых мест. Поиски миллионера разворачиваются на фоне характерных явлений советской жизни конца 1920-х и начала 1930-х – автопробегов, дальних авиаперелетов, полярных экспедиций, великих строек, перестройки быта в Средней Азии. Тем не менее высшие достижения цивилизации соседствуют с хаосом в хозяйственной сфере, отсутствием товаров, господством фразы, штампа и лозунга, стабильностью идеологических кампаний, бюрократизмом: «Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построена Днепровская гидроэлектростанция и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь «уйди-уйди», написана песенка «Кирпичики» и построены брюки фасона «полпред». В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. <...> Под все изобретения муравьиного мира подводится гранитная база «коммунистической» идеологии. <...> И пока в большом мире идет яростная дискуссия об оформлении нового быта, в маленьком мире уже все готово: есть галстук «Мечта ударника», толстовка-гладковка, гипсовая статуэтка «Купающаяся колхозница» и дамские пробковые подмышники «Любовь пчел трудовых».

Путешествие и действия персонажей соотносятся с крупными историческими вехами: к примеру, открытие конторы «Рога и копыта» связано с концом нэпа; склока в коммунальной квартире происходит в разгар полярной эпопеи летчика Севрюгова; победа Бендера над Корейко совпадает с открытием Турксиба.

Соразмерность литературного мира и географического устройства вселенной создает насыщенное пространство, предоставленное в распоряжение действующих лиц:

«Ночь, ночь, ночь лежала над всей страной. В Черноморском порту легко поворачивались краны, спускали стальные стропы в глубокие трюмы иностранцев и снова поворачивались, чтобы осторожно, с кошачьей любовью опустить на пристань сосновые ящики с оборудованием Тракторостроя. Розовый кометный огонь рвался из высоких труб силикатных заводов. Пылали звездные скопления Днепростроя, Магнитогорска и Сталинграда. Были тут фабрики, комбинаты, электростанции, новостройки. Светилась вся пятилетка, затмевая блеском старое, примелькавшееся еще египтянам небо».

«А поезд, выбегая из строящейся Москвы, уже завел свою оглушительную песню. Он бил колесами, адски хохотал под мостами и, только оказавшись среди дачных лесов, немного поуспокоился и развил большую скорость. Ему предстояло описать на глобусе порядочную кривую, предстояло переменить несколько климатических провинций, переместиться из центральной прохлады в горячую пустыню, миновать много больших и малых городов и перегнать московское время на четыре часа».

«Качались на широкой атлантической волне американские джентльмены, увозя на родину рецепт прекрасного пшеничного самогона».

«Пассажиры вылезли из машины и, разминая ослабевшие ноги, прошли немного вперед. На распутье стоял наклонный каменный столб, на котором сидела толстая ворона. Сплющенное солнце садилось за кукурузные поля. Узкая тень Балаганова

уходила к горизонту. Землю чуть тронула темная краска, и передовая звезда своевременно сигнализировала наступление ночи».

В своих странствиях Бендер посещает председателя исполкома и контору «Геркулеса», участвует в художественных и литературных дискуссиях, поселяется в коммунальной квартире, становится жертвой газовой атаки, присутствует при смычке. Виртуальный «любимец Рабиндраната Тагора» (о чем сообщает афиша с портретом Бендера в шальварах и чалме) наносит визит индийскому мудрецу, посетившему Советский Союз 11-25 сентября 1930 г.

Маршрут путешествия. Средство передвижения

Обязательный атрибут перемещения в пространстве и времени – маршрут путешествия, средство передвижения. Важную роль играет передвижение пешком («Решено было войти в город пешим порядком», «Миллионеры двинулись широким дромадерским шагом»). К иным средствам передвижения принадлежат извозчик, автомобиль, поезд и верблюды. Во время газовой атаки Остапа уносят на носилках, а инженер Талмудовский спасается с Восточной Магистральной на моторной дрезине.

Арбатов

Этот провинциальный город – исходная точка маршрута. Главный путешественник Остап Бендер прибывает на узловую станцию Арбатов товарно-пассажирским поездом. Первое, что бросается ему в глаза, – огромная лужа на привокзальной площади. Этот факт отмечен в рукописи первой главы романа «Великий комбинатор» (1929), вошедшей в измененном виде в роман «Золотой теленок». Способ передвижения в данном случае – «человек-паром», на плечах которого Бендер за две копейки добирается до «сухого берега», то есть до Бульвара Молодых Дарований. В «Золотом теленке» этих подробностей нет. Сказано только, что «гражданин в фуражке с белым верхом... двигался по улицам города Арбатова пешком, со снисходительным любопытством озираясь по сторонам». Резюмируем: он прибыл поездом и идет пешком.

Путешествие главных персонажей может считаться реальным. Кроме условных городов авторы описывают подлинные географические точки (Одесса, Москва, Ташкент). Подтверждаем, что Ильф и Петров действительно перемещались в описываемом пространстве. В сентябре 1929-го, будучи в командировке в Ярославле, они повстречали будущего Адама Козлевича – шофера Адама Сагассера. В записной книжке Ильфа: «Шофер Сагассер», «Чуть суд – призывали Сагассера – он возил всех развращенных, других шоферов не было», «Шофер блуждал на своей машине в поисках потребителя». В материалах к «Великому комбинатору» Сагассер обозначен как «ярославский шофер». Не исключено, впрочем, что Арбатов географически близок Саратову: Балаганову «достался золотой арбатовский участок, примыкавший к Республике Немцев Поволжья...» (ныне – Саратовская область). Черноморск – псевдоним Одессы, родного города соавторов. В апреле-мае 1930 года Ильф и Петров участвовали в поездке на открытие Турксиба (в романе – Восточная Магистраль) и побывали в Средней Азии.

В Арбатове путь Бендера пересекается с передвижениями Шуры Балаганова и Михаила Самуэлевича Паниковского. Все трое – «дети лейтенанта Шмидта». Что привело их в Арбатов? Все они – путешественники!

«От Минска до Берингова пролива, и от Нахичевани на Араксе до Земли Франца-Иосифа входят в исполкомы, высаживаются на станционные платформы и озабоченно катят на извозчиках родственники великих людей».

Откуда приехал в Арбатов Остап Бендер, этот «джентльмен в поисках десятки»? Где он был в течение тех пяти лет, пока мы считали его мертвым? Точного ответа нет.

Бендер предстает перед председателем исполкома как один из сыновей лейтенанта Шмидта – «буйной корпорации» самозванцев и аферистов. «Каприз артиста», – уверяет он. «Вы, вероятно, из Москвы?» – спрашивает его председатель. – «Да, проездом», – отвечает Остап уклончиво.

Вообще-то, он повсюду бывал, все повидал. «Черноморск! – с презрением восклицает он. – Там даже в довоенное время человек

с десятью тысячами назывался миллионером». О Самарканде: «Я тут был лет пять тому назад, читал лекции о борьбе с абортгами». О Ташкенте: «В Ташкенте можно весело провести дня три». А вспомните «Двенадцать стульев»!

О прошлом Шуры Балаганова известно, что «занят он был преимущественно тем, что сидел в исправительных домах различных автономных республик и областей». «Из мировых очагов культуры он, кроме Москвы, знал только Киев, Мелитополь и Жмеринку. И вообще он был убежден, что земля плоская».

Третий мнимый сын лейтенанта – Михаил Самуэлевич Паниковский – нарушил конвенцию, пробравшись на чужой эксплуатационный участок. Его вышвыривают из исполкома, за ним гонятся арбатовцы. Но вот подробности его дореволюционного прошлого: «Поезжайте в Киев и спросите там, что делал Паниковский до революции. <...> И вам скажут, что до революции Паниковский был слепым. Если бы не революция, разве я пошел бы в дети лейтенанта Шмидта? Ведь я был богатый человек. У меня была семья и на столе никелированный самовар. А что меня кормило? Синие очки и палочка. <...> Я выходил в очках и с палочкой на Крещатик и просил какого-нибудь господина почище помочь бедному слепому перейти улицу. Господин брал меня под руку и вел. На другом тротуаре у него уже не хватало часов, если у него были часы, и бумажника. <...> Раньше я платил городовому на углу Крещатика и Прорезной пять рублей в месяц, и меня никто не трогал. Городовой следил даже, чтоб меня не обижали. Хороший был человек! Фамилия ему была Небаба, Семен Васильевич. Он теперь музыкальный критик».

Бендер и Балаганов сводят знакомство с арбатовским шофером-неудачником и предлагают ехать с ними в Черноморск: «А в Арбатове вам терять нечего, кроме запасных цепей. <...> Бензин ваш – идеи наши».

Адам Козлевич был основоположником автомобильного дела в Арбатове. Его прошлое: он просидел в тюрьме в общей сложности три года за воровство, однако советская пенитенциарная система оказала свое благотворное действие: «Козлевич, Адам Казимирович, сорока шести лет, происходящий из крестьян б. Ченстоховского уезда, холостой, неоднократно судившийся, вышел из тюрьмы честным человеком».

Сходство подлинного Адама Иосифовича Сагассера, чеха, жителя г. Ярославля, с Адамом Казимировичем Козлевицем, поляком (упомянуты его «светлые польские глаза»), ограничено тем, что в описываемые годы Сагассер действительно владел таксомотором с надписью «Эх, прокачу!». Подробная история Сагассера, опубликованная в русскоязычной нью-йоркской газете в 1995 г., перепечатана в кн.: Евгений Петров. «Мой друг Ильф». М.: Текст, 2003, с. 417-419.

Биография «Антилопы»: это был «такой старый автомобиль, что появление его на рынке можно было объяснить только ликвидацией автомобильного музея. <...> Порода машины была неизвестна, но Адам Казимирович утверждал, что это «лорен-дитрих». В виде доказательства он приколотил к радиатору автомобиля медную бляшку с лорен-дитриховской фабричной маркой».

При первом знакомстве с машиной Остап иронизирует: «Оригинальная конструкция, заря автомобилизма. Видите, Балаганов, что можно сделать из простой швейной машины Зингера? Небольшое приспособление – и получилась прелестная колхозная сноповязалка».

Однако он достаточно честен, чтобы воздать ей должное: «Все же это была машина, автомобиль, экипаж, который, как говорил Остап, при всех своих недостатках способен, однако, иногда двигаться по улицам без помощи лошадей». Иногда и вправду машина способна на многое: «Зеленая «Антилопа», скрипя всеми своими частями, *промчалась* по внешнему проезду Бульвара Молодых Дарований и *вылетела* на рыночную площадь» или «Зеленый ящик с четырьмя жуликами *скачками понесся* по дымной дороге».

«Средство передвижения» получает характеристики живого существа: «Антилопа» повернула и, *как слепой щенок, стала тыкаться* в стороны в поисках обходной дороги», «В четвертом часу *затравленная* «Антилопа» остановилась над обрывом».

Бедное средство передвижения!! После крушения оно так и не оправилось. «Машина после ремонта что-то капризничает и работает только один час в день. Все время ее чиню, прямо сил никаких нет», – жаловался Козлевич.

Итак, начинается большое путешествие с большими приключениями. Пусть читателей не смущает, что оно будет называться то мореплаванием, то автопробегом.

Арбатов... Удоев... Лучанск... Черноморск

Бендер и Балаганов покидают Арбатов. Бросив спасательный круг Паниковскому, «Антилопа» снимается с якоря и несется на всех парусах по намеченному маршруту: «Полный ход, – командовал Остап».

Антилоповцы находятся на линии автопробега Москва – Харьков – Москва, приблизительно в 150 километрах впереди головной машины. Декларация Остапа: «Совершенно ясно, что некоторое время мы продержимся впереди автопробега, снимая пенки, сливки и тому подобную сметану с этого высококультурного начинания». «Антилопа» идет под пиратским флагом: «Автопробегом – по бездорожью и разгильдяйству!».

Большой Новозайцевский тракт приводит их в село с традиционным митингом («Автомобиль не роскошь, а средство передвижения». «Все в Автодор!»); затем они причаливают к «древнему Удоеву», якобы основанному в 794 году (захват горячего, обед). «Сутки мчались они впереди автопробега».

О Лучанске сказано, что это «город очень маленький». Команда прекрасно пообедала и под руководством Бендера экипируется в магазине готового платья с бумажкой на входной двери: «ШТАНОВ НЕТ». Во время митинга (командор возглашает знаменитое: «Автомобиль не роскошь, а средство передвижения!») получена телеграмма о задержании зеленой машины, идущей впереди автопробега. Антилоповцы поспешно разводят пары.

«Дальше на пути лежал городок, названия которого антилоповцы никогда не узнали, но хотели бы узнать, чтобы помянуть его недобрым словом. У самого же входа в город дорога была преграждена тяжелым бревном». С трудом преодолев препятствие, они устремляются на Гряжское шоссе (три часа пути):

«К Гряжскому шоссе «Антилопа» подошла под все усиливающийся рокот невидимых покуда автомобилей. Едва успели свернуть с проклятой магистрали и в наступившей темноте убрать машину за пригорок, как раздались взрывы и пальба моторов, и в столбах света показалась головная машина. <...>

Полотнища ослепительного света полоскались на дороге. Машины мягко скрипели, пробегая мимо поверженных антилоповцев. Прах летел из-под колес. Протяжно завывали клаксоны. Ветер

метался во все стороны. В минуту все исчезло, и только долго колебался и прыгал в темноте рубиновый фонарик последней машины.

Настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями».

Однако путешествие продолжается. «В четвертом часу затравленная «Антилопа» остановилась над обрывом. Внизу на тарелочке лежал незнакомый город. Он был нарезан, как торт. <...> Зубчатый лес подходил к городу. Дорога петлями падала с обрыва».

Высадившись с борта «Антилопы» на неизвестном «островке», Остап производит традиционные для путешественника наблюдения над туземцами (монархистом Хворобьевым и художниками-станковистами). Команда Остапа перекрашивает судно в желтый цвет. Декларация Остапа: «Дела призывают нас в Черноморск».

Черноморск

В город антилоповцы въехали на рассвете. «Привет первому черноморцу! – крикнул Остап, когда машина с тракторным грохотом пронеслась мимо Корейко. – Теплые морские ванны еще работают? Городской театр функционирует? Уже объявили Черноморск вольным городом?»

Цель путешествия достигнута. Антилоповцы бросили якорь и ступили на землю плодородного острова. Предстоит большая охота.

Топонимика Черноморска/Одессы

Илья Ильф и Евгений Петров – одесситы, и это, как говорил Остап Бендер, «медицинский факт». Их романы буквально прослоены Одессой, – не могли же они забыть родной город, который знали лучше других городов?

Несколько слов о Бендере. Это образ собирательный, однако совершенно одесский. В нем проглядывают черты одесских современников соавторов – и мелкого ловкача Мити Ширмахе-ра, и Остапа Шора, «внешность которого», по словам В. Катаева, «соавторы сохранили в своем романе почти в полной неприкосновенности: атлетическое сложение и романтический, чисто черноморский характер».

А фамилия?

Когда в юности Ильф жил на Малой Арнаутской, где, по сообщению Остапа, делали всю одесскую контрабанду, в соседнем доме была мясоторговля Бендера. В Одессе были и другие Бендеры, а еще один Бендер служил вместе с Ильфом в одесском учреждении с труднопроизносимым названием Опродкомгуб.

«Мой папа был турецко-подданный», – сообщал Бендер. Это подданство принимало немало одесситов – при некоторых житейских обстоятельствах это было весьма удобно. Бендер называет себя Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей. Гибридное (турецко-немецкое) имя также характерно для Одессы. Антилоповцы зовут его Остап Ибрагимович. Боюсь, что и нам придется, подобно вдове Грицацуевой, называть его «Товарищ Бендер».

По сути, вся вторая часть «Золотого тельца» посвящена Одессе. Тожество Одессы и Черноморска устанавливается легко и непроверяемо. В «Великом комбинаторе» этот город на Черном море без затей называется Одессой. Открытым текстом сказано, что Корейко служил «в канцелярии юридической консультации, находившейся на Пушкинской улице в Одессе» (гл. 5). «Дела призывают нас в Одессу!» – заявляет Бендер.

Год основания города соавторы знали точно, почему и написали, что «между древним Удоевым, основанным в 794 году, и Одессой, основанной в 1794 году, лежали тысяча лет и тысяча километров грунтовой дороги». Не преминули они отметить, что в чемоданчике, в котором Корейко хранил свои неправедные миллионы, честный человек мог держать брюки из клетчатой ткани «Столетье Одессы».

А «Геркулес», в финсчете отделе которого служил подпольный миллионер, по словам авторов, помещался в бывшей гостинице. Напомним, что в 1921 году Ильф служил бухгалтером в упоминавшемся уже Опродкомгубе, в гостинице «Большая Московская» (на Дерибасовской против Городского сада, «где толстая струя фонтана оплывала как свеча»).

Киностудия, куда Остап продал сценарий «Шея», – тогдашняя кинофабрика ВУФКУ (Всеукраинского фотокиноуправления) на Французском бульваре. Нарпитовская столовая № 68, она же бывшее кафе «Флорида», – знаменитое кафе Фанкони. Музей древностей, на ступенях которого Бендер признавался в любви Зосе Синицкой, –

Археологический музей. Гостиница «Карлсбад» – «Лондонская». Частная гимназия Илиади «со всеми правами правительственных гимназий», где в третьем классе Бендер зазубрил латинские исключения («пуэр, соцер, веспер, генер...»), была на Дворянской, № 1/3, и в этой гимназии учились друг Ильфа Лев Славин, а также прототип Бендера – Остап Шор.

«Где первое общество взаимного кредита? Где, спрашиваю я, второе общество взаимного кредита?» – с горечью вопрошал зиц-председатель Фунт, и земляки-современники Ильфа и Петрова вспоминали 1-е общество взаимного кредита на углу Пушкинской и Греческой улиц и 2-е общество взаимного кредита (Торгово-промышленное и ремесел общество взаимного кредита) на Греческой, между Ришельевской и Пушкинской.

Зиц-председателя Фунта милиционеры увозят в «дом из красного кирпича, к окнам которого по странному капризу архитектора привинчены толстые решетки». Одесская тюрьма в юбилейном для Одессы 1894 г. была переведена с нынешней Привокзальной площади на дорогу к Люстдорфу в новое здание, отвечающее описанию.

Своеобразной достопримечательностью города были теплые морские ванны, о которых Ильф писал: «Когда всё в Одессе разрушится, морские ванны по-прежнему будут сиять и переливаться светом. Одесситы любят морские ванны». Паниковский делится с Балагановым тайной «золотых» гирь Корейко в буфете искусственных минеральных вод. Такие заведения, оставшиеся с дореволюционных времен, еще при нэпе были разбросаны по всей Одессе. Слух одесситов ласкает и указание на то, что акации в Черноморске «несли некоторые общественные функции: на одних висели синие почтовые ящики... к другим же были прикованы жестяные лоханочки с водою для собак». Пикейные жилеты возле бывшего кафе Фанкони утверждали, что «такого августа не было со времени порто-франко». Был такой август или не был, но порто-франко ошачливило и обогатило Одессу еще в 1817 году и продолжало это делать сорок лет кряду.

Улицей Полтавской победы, на которой молодой Корейко мечтал найти кожаный бумажник с деньгами, одно время называлась бывшая и нынешняя Канатная. Малая Касательная улица – «гибрид» Малой Арнаутской и спародированной (однако существующей до сих

пор) Косвенной. Арнаутские галереи опоясывают старинные дворы на обеих Арнаутских и других одесских улицах. Улица Лассаля – после-революционное название Дерibasовской, улица Франца Меринга – Нежинская. Бронзовая фигура екатерининского вельможи, стоящая посреди площади, – конечно же, памятник герцогу Ришелье.

В 1920-е годы завод «Одесская Бавария» выпускал и рекламировал пиво «Тип-Топ», о котором можно прочесть теперь разве что в нашем романе: «А миллионер, может быть, сидит сейчас в этом так называемом летнем саду, за соседним столиком, и пьет сорокакопеечное пиво «Тип-Топ». Реклама тех лет: «Пейте пиво «Тип-Топ» в пивных барах Пищетреста. Пивной бар. Ул. Лассаля, 8, Пищетреста. Пиво: пильзенское, мартовское, «Тип-Топ».

«И вообще последний город – это Шепетовка, о которую разби-ваются волны Атлантического океана», – горькую говорит Остап. После революции через пограничный город Шепетовку можно было выехать в Польшу, то есть за границу. Но с начала 1930-х это стало невозможным. «В конце концов за граница – это миф о загроб-ной жизни, – печально резюмировал Ильф. – Кто туда попадает – не возвращается назад». Остап пытается бежать из Одессы в Румы-нию. В начале 1920-х сотни смельчаков проделывали этот рискован-ный путь. Некоторые погибали на границе или от рук чекистов.

А сколько одесситов поделилось с персонажами романа свои-ми фамилиями! Часовщик Фунт, который держал мастерскую на Ришельевской. Домовладелец Бомзе. Купец 1-й гильдии За-йонц. Служащий ссудно-сберегательной кассы Берлага. Еще один Берлага служил в Опродкомгубе, вместе с Лapidусом и Пружан-ским. Немецкому специалисту Генриху-Мария Заузе досталась фамилия одесского художника В.Х. Заузе.

Бендер и его команда в Черноморске. Посещение «Геркулеса». Остап видит Корейко. Попытка ограбления и ограбление миллионе-ра-конторщика. Вселение антилоповцев в «Воронью слободку». От-крыта контора «Рога и копыта». Знакомство Остапа с Зосей Синицкой. Бендер собирает «следственные материалы» о деятельности Корейко.

Но кто такой этот Корейко, за которым гонится Бендер?

Александр Иванович Корейко, уроженец Черноморска, – тоже путешественник, но путешественник поневоле. С молодых лет

он мечтал о богатстве. Его бурная деятельность началась в 1917 году с торговли казенными медикаментами во время голода и тифа. Одно из наиболее удачных дел – «похищение маршрутного поезда с продовольствием, шедшего в голодающее Поволжье». В 1922 году он появляется в эповской Москве. «Какой доход могут принести человеку две обыкновенные бочки, наполненные водопроводной водой? 20 рублей? 3 рубля? 8 копеек? Нет... Александру Ивановичу они принесли 400 000 золотых рублей 00 копеек». Жажда обогащения отправляет его в «маленькую доверчивую республику», отстоявшую от Москвы на 3 000 километров («синее небо, верблюды, оазисы и пижоны в золотых тюбетейках»), где Корейко помогает строить электростанцию: «Идея электрификации отсталых окраин чрезвычайно близка его сердцу». Следствием подобных среднеазиатских панам были громкие судебные процессы. Третьим этапом его активности были «скромная конторская работа в «Геркулесе» и спекуляции валютой, мехами, камушками и прочими компактными предметами первой необходимости. И, наконец, серия самовзрывающихся акционерных обществ под цветистыми названиями». Остап Бендер, как ищейка, идет по следу подпольного миллионера.

«Дело Александра Ивановича Корейко» с блеском закончено, но миллионер-конторщик подло скрывается. Деньги кончились, Воронья слободка сгорает дотла, контора недоступна. Бендер с командой выезжает из Черноморска. В пути «Антилопа» разваливается, Паниковский умирает. На маленькой железнодорожной станции Остап проникает в вагон поезда особого назначения, идущего на открытие Восточной Магистральной (Турксиб, Туркестано-Сибирская магистраль – железная дорога, соединившая Среднюю Азию с Сибирью). Теперь он – лежжурналист «Черноморской газеты».

«Даешь смычку!». **«Привет героям – строителям Восточной Магистральной!».** **Оренбургская степь. Оренбург. Станция Горная – южный исток Магистральной. Хрустальный перевал. Ст. Гремящий Ключ**

Географические названия подлинны. См. очерк Ильфа и Петрова «Осторожно! Овьяно веками!» (1930).

«Путешествие по Восточной Магистральной доставляло великому комбинатору много радости. Каждый час приближал его

к Северному укладочному городку, где находился Корейко». Наконец Остап обретает миллионера и изымает вождеденный миллион. Но его выкидывают из литерного поезда, не берут в самолет. С ним Корейко. Покинуть Восточную Магистраль невозможно. Резюме Бендера: «Транспорт отбилась от рук. С железной дорогой мы поссорились. Воздушные пути сообщения для нас закрыты. Пешком? Четыреста километров. Это не воодушевляет. Остается одно – принять ислам и передвигаться на верблюдах. <...> Семь дней верблюды тащили через пустыню новоявленных шейхов». И в самом деле, верблюды – «не роскошь, а средство передвижения».

Самарканд – Ташкент...

Бендер бывал в Самарканде и воспевае его как «городок, не уступающий Багдаду. Плоские кровли, туземные оркестры, ресторанчики в восточном вкусе, сладкие вина, легендарные девицы и сорок тысяч вертелов с шашлыками карскими, турецкими, татарскими, месопотамскими и одесскими. И, наконец, железная дорога». Увы! Успешная перестройка быта в Средней Азии «изжила», «истребила» и «придушила» и погребок «Под луной», и кабачки в азиатском роде с тимпанами и флейтами; зато можно послушать Большой симфонический квартет имени Бебеля и Паганини; путешественники воздержались.

Бендер поездом отбывает в Ташкент. Корейко остается в Самарканде, хочет служить конторщиком. Его путешествие завершилось.

Мы встречаемся с Остапом в Москве, на Рязанском вокзале. «С тех пор, как он расстался с Александром Ивановичем у камеры хранения ручного багажа, куда подпольный миллионер сдал свой чемоданишко, прошел месяц». Для него этот месяц был полон лишений, унижений и даже страданий: «В первом же городе, в который Остап въехал с чувствами завоевателя, он не смог достать номера в гостинице»: забронировано за конгрессом почвоведов. (С 20 по 30 июля 1930 г. в Ленинграде проходил 2-й международный почвоведческий конгресс, и как раз в эти дни там были Ильф и Петров, работавшие над либретто комедии «Подхалимка» для Ленинградского театра сатиры.) «Весь день он ездил по городу на извозчике. В лучшем ресторане он полтора часа томился в ожидании» (обедает конгресс почвоведов). «В театре в этот день давался спектакль для

почвоведов, и билеты вольным гражданам не продавались. <...> Чтобы не ночевать в интересах науки на улице, миллионер в тот же вечер уехал, отоспавшись в международном вагоне.

Утром Бендер сошел в большом волжском городе [Сталинграде?]. С деревьев, вертясь винтом, слетали желтые прозрачные листья. Волга дышала ветром. Номеров не было ни в одной гостинице. <...> И снова Остап провел день на извозчике, с нетерпением дожидаясь курьерского поезда, где можно умыться, отдохнуть и почитать газетку. Великий комбинатор провел пятнадцать ночей в разных поездах, переезжая из города в город, потому что номеров нигде не было.

Москва

Бендер высаживается из поезда в Москве на Рязанском вокзале в «печальный и светлый осенний день...». Неожиданная встреча с несчастным и нищим Балагановым. Командор дает ему 50 тысяч. «Они вышли на Каланчевскую площадь. Такси не было. На извозчике Остап ехать отказался. <...> Пришлось сесть в трамвай». Там обладатель пятидесяти тысяч «машинально» украл дамскую сумочку. Его уводят в милицию. «Врата великих возможностей» захлопываются. Путешествие Балаганова закончено.

В гостинице Бендера по-прежнему преследуют почвоведы («В ста пятидесяти номерах спал конгресс почвоведов, вернувшийся из поездки»). Беседа о смысле жизни с «индийским гостем» – Рабиндранатом Тагором – не удалась. Не зная, чем заняться, Остап с интересом истинного естествоиспытателя рассматривает аборигенов, то есть «обыкновенных прохожих, которые прыгали в автобус, как белки».

Черноморск

Средство передвижения – железная дорога. Уже осень: «Силою неожиданно напавшего на город северо-восточного ветра нежное бабье лето <...> было загнано к мусорным ящикам, желобам и выступам домов. Там оно помиралось среди обугленных кленовых листьев и разорванных трамвайных билетов. <...> Черноморцы брели против ветра, опустив головы, как быки».

Встреча Бендера с Козлевичем. Остап привез для «Антилопы» «подержанный маслопроводный шланг». Зося Синицкая замужем.

Остап дважды преодолевает искушение избавиться от миллиона. Прощание с родиной по форме № 5.

Направление. Точное время

Путешественники имеют обыкновение указывать курс и точное время в своих путевых журналах, и эта традиция неуклонно соблюдается авторами:

«Выехали из Черноморска, взяв курс на восток».

«Великий комбинатор поплыл на боку, раздвигая воды медным плечом и держа курс на северо-северо-восток...»

«Солнце встало над холмистой пустыней в 5 часов 02 минуты 46 секунд».

«В 3 часа ночи Александра Ивановича разбудили. Пришла телеграмма. <...> В 17 часов 35 минут того же дня прибыла вторая депеша».

«Ровно в 16 часов 40 минут Васисуалий Лоханкин объявил голодовку».

Хронология достоверна: в Черноморск Бендер прибыл во второй половине сентября 1930 года. Всю зиму он готовился к отъезду и в приднестровских плавнях появился весной 1931-го: «Шумела мартовская ночь...»; «В 3 часа ночи строптивый потомок янычар ступил на чужой заграничный берег. <...> Здесь тоже была весна...». Точность – вежливость королей. И авторов.

Путешественник – аборигены

В незнакомой стране путешественники, как правило, встречаются с аборигенами. Роман густо населен представителями разнообразной фауны, современной и доисторической.

По пути следования «Антилопа» бросает якорь на маленьком острове, над которым, плача и завывая, реет допотопный птеродактиль (монархист Хворобьев), со свистом проносятся грифы

и стервятники (художники-халтурщики). На острове Черноморск Бендер с опаской наблюдает за ящерами, рептилиями и плотоядными конторы «Геркулес». Начальник конторы – типичный представитель коренных обитателей, о чем говорят и растительный мир вокруг него, и манера поведения: «...Из-под живительной тени *пальм и сикомор* вынырнул Полыхаев. <...> В усах у него, как *птичка в ветвях*, сидела алмазная слеза. Полыхаев... так энергично потирал руки, будто бы хотел *трением добыть огонь по способу, принятому среди дикарей Океании*».

Джунгли «Вороньей слободки» кишат ядовитыми змеями и хищными тварями (отставной дворник Никита Пряхин, ничья бабушка, бывший горский князь, а ныне трудящийся Востока гражданин Гиgienишвили, тетя Паша – торговка и горькая пьяница, Александр Дмитриевич Суховейко, «в прошлом камергер двора его императорского величества, которого в квартире звали просто Митричем», и прочая квартирная сошка, во главе с ответственной съемщицей Люцией Францевной Пферд). В этих джунглях тщетно пытается укрыться унылое непарнокопытное (Лоханкин). Зато летчик Севрюгов – настоящий сталинский сокол!

Вспомним, что конечная цель Бендера-путешественника – Рио-де-Жанейро. Поэтому тоном будущего колонизатора Остап заявляет: «Куплю плантацию и выпишу в качестве обезьяны Балаганова. Пусть срывает для меня бананы!».

Компонентами путешествия служат приключения героев

Авантюры

Принадлежность к буйной корпорации мнимых детей лейтенанта Шмидта. «Антилопа» – «головная машина автопробега». Визит Остапа к Корейко под видом киевского милиционера. Контора «Рога и копыта». Продажа сценария «Шея» Одесской кинофабрике. Бендер – пассажир литерного поезда. Как представитель кооперативной организации прорывается к Рабиндранату Тагору. Намерен перейти государственную границу.

Комические эпизоды

«Пиво отпускается только членам профсоюза». «Штанов нет». Рецепт самогона. Телеграммы, полученные Корейко. Паниковский – слепой. Лоханкин подвергается порке. Молочные братья пилят гири. Пикейные жилеты. Зиц-председатель Фунт. Берлага в сумасшедшем доме. Агитационный гроб с надписью «Смерть бюрократизму». «Торжественный комплект». Поездка на верблюдах.

Неудачи

Позорное бегство из Удоева. Противохимические учения. Исчезновение Корейко. Пожар в «Вороньей слободке». «Контора умерла». Гибель «Антилопы». Остапа высаживают из литерного поезда. Ему не удается купить самолет. Он не может найти применение своему миллиону. Балаганова уводят в милицию. Бендер отвергнут Зосей. Кавалер ордена Золотого руна, ограбленный и избитый румынской сигуранцей, снова на советском берегу. Прощальная декларация Бендера.

Объекты наблюдений героев

Дорожные впечатления

«...Дорога осталась такой же, какой была при Соловье-разбойнике. Горбатая, покрытая вулканической грязью или засыпанная пылью. Ядовитой, словно порошок от клопов, потянулась отечественная дорога мимо деревень, городков, фабрик и колхозов, протянулась тысячеверстной западной. По ее сторонам, в желтеющих, оскверненных травах, валяются скелеты телег и замурченные, издыхающие автомобили».

«Когда остатки армии антилоповцев пересекли долину и перевалили через новый холм, сейчас же за ним открылась маленькая железнодорожная станция. <...> На станции буфета не было. Горела керосиновая лампа. В пассажирском зале дремали на мешках две бабы. Весь железнодорожный персонал бродил по дощатому перрону, тревожно вглядываясь в предрассветную тьму за семафор».

«Раздался гул, задрожала проволока, из гула вылупились волчьи глазки, и короткий блестящий поезд с размаху влетел на станцию. Засияли широкие стекла мягких вагонов, под самым носом антилоповцев пронеслись букеты и винные бутылки вагон-ресторана, на ходу соскочили проводники с фонарями, и перрон сразу наполнился веселым русским говором и иностранной речью».

Окружающая обстановка

«По главной улице на раздвинутых крестьянских ходах везли длинную синюю рельсу. Такой звон и пенье стояли на главной улице, будто возчик в рыбачьей брезентовой прозодежде вез не рельсу, а оглушительную музыкальную ноту. Солнце ломилось в стеклянную витрину магазина наглядных пособий, где над глобусами, черепами и картонной, весело раскрашенной печенью пьяницы дружески обнимались два скелета».

«Июньское утро только начинало формироваться. Акации подрагивали, роняя на плоские камни холодную росу. Уличные птички отщелкивали какую-то веселую дребедень. В конце улицы, внизу, за крышами домов, пылало литое, тяжелое море. Молодые собаки, печально оглядываясь и стуча когтями, взбирались на мусорные ящики».

«Ветер схватил Остапа за плечи и потащил к Приморскому бульвару. Здесь было пустынно, никто не сидел на белых скамейках, изрезанных за лето любовными надписями. На внешний рейд, огибая маяк, выходил низкий грузовик с толстыми прямыми мачтами».

Встречи

«По аллее, в тени августейших лип, склоняясь немного набок, двигался немолодой уже гражданин. Твердая соломенная шляпа с рубчатými краями боком сидела на его голове. Брюки были настолько коротки, что обнажали белые завязки кальсон. Под усами гражданина, подобно огоньку папиросы, пылал золотой зуб».

«...Из-за угла вынесся извозчикий экипаж. В нем сидел толстяк, у которого под складками синей толстовки угадывалось потное брюхо. Общий вид пассажира вызывал в памяти старинную рекламу патентованной мази, начинавшуюся словами: «Вид голого тела, покрытого волосами, производит отталкивающее впечатление».

«...Остап пошел к Супругову. <...> Супругов не скакал по этажам, не носил альпийского берета, не носил даже заграничных приставских шаровар-гольф. На нем приятно отдыхал взор».

$$E = mc^2$$

Бендер путешествует не для того, чтобы развлечься, – у него есть цель. Он торопится ради нее. И ради собственного спасения. Средства передвижения спешат вместе с ним:

«Козлевич пустил мотор и одним махом взлетел на свое сиденье. Машина прыгнула вперед, не дожидаясь Остапа. <...> Адам Казимирович нажал педали. «Антилопа» заскрежетала и остановилась. Командор кувыркнулся в машину с отчаянным криком: «Полный ход!» <...> Обезумевший Козлевич перескочил на третью скорость, машина рванулась...

– Самый полный! – завопил Остап.

И тут жители Лучанска впервые поняли преимущество механического транспорта перед гужевым. Машина забренчала всеми своими частями и быстро унеслась, увозя от справедливого наказания четырех правонарушителей».

«На утро четвертого дня пути поезд взял на восток. Мимо снеговых цепей – Гималайских отрогов, – с грохотом перекатываясь через искусственные сооружения (мостики, трубы для пропуска весенних вод и др.), а также бросая трепетную тень на горные ручьи, литерный поезд проскочил городок под тополями и долго вертелся у самого бока большой снеговой горы. Не будучи в силах одолеть перевал сразу, литерный подсакивал к горе то справа, то слева, поворачивал назад, пыхтел, возвращался назад, терся о гору пыльно-зелеными своими боками, всячески хитрил – и выскочил, наконец, на волю».

Обратите внимание на глаголы, рождающие скорость, экспрессию, динамику:

«Прохожие вдруг заторопились, будто бы их погнало ливень. <...> Торговки семечками... бежали, выпятив животы, и в их камышовых корзинках среди сыпучего товара подсакивали стеклянные стаканчики. Через улицу вкось промчался Адольф Николаевич Бомзе. Он благополучно успел проскочить в вертящуюся дверь «Геркулеса». Прогалопировал на разноцветных лошадаках взвод конного резерва милиции. Промелькнул краснокрестный автомобиль».

«Люди... сталкивались, <...> разбежались по многочисленным лестницам и немедленно по этим же лестницам бежали вниз. В вестибюле они описывали круг, на секунду останавливались... и снова пускались наверх с такой прытью, будто бы их стегали сзади мокрым линьком. Стремглав проносились ассистенты, консультанты...»

«...Из дверей конторы... вышел человек и, хватаясь за сердце, пошел прочь. <...> Сначала он вяло передвигал ноги, потом постепенно начал ускорять ход. Завернув за угол, бухгалтер... побежал очертя голову».

«Тело водителя «Антилопы» сделало шаг вперед, но душа его... рванулась назад».

Командорскому чину Бендера соответствует энергичная манера передвижения: «Он проследовал мимо взволнованных читательниц парадным шагом...». «В голове процессии, делая гигантские шаги, неся командор». «Начальник отделения носился по городу в желтом автомобиле...»

Мечты героев

В начале повествования Остапу Бендеру необходимы 500 000. Он взял бы частями, но ему нужно сразу. «Вообще-то мне нужно больше, – объясняет он, – пятьсот тысяч – это мой минимум». Зачем? У него есть причина, есть и повод:

«Я хочу уехать, товарищ Шура, очень далеко, в Рио-де-Жанейро».

«Я хочу отсюда уехать. У меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм. Теперь вам ясно, для чего мне нужно столько денег?»

«Покажите мне только богатого человека, и я отниму у него деньги. <...> У меня лично есть 400 сравнительно честных способов отъема. <...> Ах, если бы только найти индивида! Уж я так устрою, что он свои деньги мне сам принесет, на блюдечке с голубой каемкой».

Мечты Бендера вместе с жизнеописанием Корейко лежат в папке, где были «пальмы, девушки, синее море, белый пароход, голубые экспрессы, зеркальный автомобиль и Рио-де-Жанейро, волшебный город в глубине бухты, где живут добрые мулаты и подавляющее большинство граждан ходит в белых штанах. Наконец-то великий комбинатор нашел того самого индивида, о котором мечтал всю жизнь».

Он получает вожденный миллион. (Миллион – хрестоматийное воплощение богатства.) «Вот я и миллионер! – воскликнул Остап с веселым удивлением. – Сбылись мечты идиота! <...> А что я могу на них сделать?.. Купить 50 000 серебряных ложечек, отлить из них конную статую Паниковского и установить на могиле?»

При первом знакомстве с Балагановым Бендер спрашивает: «Какая сумма вам нравится? – Пять тысяч, – быстро ответил Балаганов. – В месяц? – В год». При последней встрече Бендер повторяет вопрос. «Балаганов долго думал, несмело улыбаясь, и наконец объявил, что для полного счастья ему нужно шесть тысяч четыреста рублей и что с этой суммой ему будет на свете очень хорошо».

Мечты Паниковского: «Я вставлю себе золотые зубы и женюсь, ей-богу, женюсь, честное, благородное слово».

Мысли Адама Козлевича сосредоточены на «Антилопе»: «Мой «лорен-дитрих» – добрая машина. Вот если бы еще подержанный маслопроводный шланг, не нужно мне тогда никаких бьюиков».

Резюме Остапа: «Балаганов очень мил, но глуп. Паниковский – просто вздорный старик. А Козлевич – ангел без крыльев».

Мотив странствия – один из способов раскрытия характера главного героя

Несколько лет, отделяющих Бендера эпохи «Двенадцати стульев» от эпохи «Золотого тельца», коренным образом меняют внешний и внутренний облик героя. Если в 1927 году он описывается как «красавец с черкесским лицом», сейчас, в 1930-м, это существо иного, высшего порядка: «Атлет с точеным, словно выбитым на монете лицом. Смуглое горло перерезал хрупкий белый шрам. Глаза сверкали грозным весельем»; «Лицо его затвердело и приняло медальные очертания». Не случайно «Балаганов почувствовал вдруг непреодолимое желание вытянуть руки по швам». В первом романе герой наделен чертами авантюриста, похитителя чайных ситечек и гамбсовских стульев. Он не делает программных заявлений, не испытывает мировой скорби и ни в чем, кроме первоклассного авторского юмора, не выходит за рамки собственно плутовского амплуа.

В «Золотом тельце» Бендер становится подлинно великим комбинатором. Погибнув в финале первого романа, во втором он возрождается новым человеком. Его плутовство – не мошенничество ради денег, а искусство ради искусства.

И хотя он по-прежнему наделен способностью к перевоплощению – сын лейтенанта Шмидта («чистая случайность, каприз художника»), командор пробега, беспартийный монархист, советский паломник-пилигрим (бомбейский жрец и любимец Рабиндраната Тагора), невропатолог и психиатр («Я изучаю души своих пациентов. И мне почему-то всегда попадают очень глупые души»), врач-общественник, потомок янычаров, дирижер симфонического оркестра и пр. – «нечистой работой» это не назовешь. Ему принадлежат интригующие телеграммы и остроумные репризы, он – автор киносценария «Шея» и «Торжественного комплекта», он не глупее журналистов, едущих «на смычку», а главное – и этого у него не отнять – он создатель «Дела Александра Ивановича Корейко» («До самой смерти меня будет тешить мысль, что я избавил общественность от великого сквалыжника»).

Образ Бендера имеет за спиной солидный ряд плутовских персонажей мировой литературы. Авантюрные сюжеты «Золотого теленка» навеяны и «Графом Монте-Кристо», и «Приключениями Шерлока Холмса», и рассказами О'Генри.

Завязку поисков и приключений представляет мотив тайны богатства, которая становится известной герою (Балаганов рассказывает Бендеру о подпольном миллионере). Типичен сюжет с погоней за противником и его исчезновением (Корейко). От героя Дюма идет тактика преследования (Бендер собирает материалы о темном прошлом конторщика). Обнаруживаются реминисценции из Конан Дойла (погибший и воскресший Шерлок Холмс).

Традиционные авантюрные сюжеты спроецированы на советскую действительность. В рассказе Марка Твена банковский билет в миллион фунтов стерлингов становится неразменной монетой, обеспечивающей герою все желаемое. Бендер владеет миллионом, но в советской России нет легальной возможности его потратить. Приехав в Самарканд, он, как Рип ван Винкль в новелле Вашингтона Ирвинга, не узнаёт города. Под видом милиционера командор выручает Паниковского (эпизод построен по известной приключенческой схеме: в «Принце и нищем» Хендон спасает принца от разъяренной толпы; в рассказе О'Генри «Джефф Питерс как личный магнит» Энди Таккер, прикинувшись детективом, уводит компаньона).

Однако было бы в высшей степени несправедливо идентифицировать приключения Бендера как чисто «плутовские»: образ великого комбинатора, интеллектуального, обладающего некой магнетической властью над окружающими, представляет уникальное явление в нашей литературе.

Но и это не все. Как известно, на протяжении веков люди путешествовали с определенной целью – разбогатеть, найти счастливую любовь, излечиться от несчастной, увидеть иные края, поправить здоровье и так далее. Путешествия издавна стали неотъемлемой частью образа жизни.

Вспомним поэтому о «Путешествии Евгения Онегина». Почему? Не будем предполагать, что биография Бендера сходна с биографией пушкинского Онегина, который, *Дожив без цели,*

без трудов / До двадцати шести годов, / Томясь в бездействии досуга / Без службы, без жены, без дел, / Ничем заняться не умел. Не будем сравнивать путешествие Бендера по страницам романа с Путешествием Евгения Онегина, который, как писал великий поэт, *...начал странствие без цели, / Томясь в бездействии пустом.* У Бендера есть цель, а говорить о его бездействии просто смешно!

Поэт пишет: *Им овладело беспокойство, / Охота к перемене мест / (Весьма мучительное свойство, / Немногих добровольный крест).* Согласимся, что эти «свойства», пожалуй, совпадают. Да, Бендер возложил на себя «добровольный крест» преследования подпольного миллионера. По многим причинам эта сложная задача вызывает его «беспокойство» и «охоту к перемене мест».

Но вот путешествие подходит к концу. Миллион в руках великого комбинатора. Почему же герой не чувствует радости?

Он не может истратить свой миллион так, как ему хочется. Он не может жить так, как ему хочется. Бендер открыто связывает себя с Онегиным (и с Айвенго Вальтера Скотта): «Я типичный Евгений Онегин, он же рыцарь, лишенный наследства советской властью». Он продолжает путешествовать по самой прозаической причине: ему негде преклонить голову: «Ему надоели вагоны, верхние и нижние диваны, весь трясущийся мир путешествий». Настроение Бендера вполне соответствует настроению Онегина: *И путешествия ему, / Как всё на свете, надоели.* «Тело мое прописано в гостинице «Каир», а душа манкирует, ей даже в Рио-де-Жанейро не хочется», – вторит ему Остап.

«Все это выдумка, нет никакого Рио-де-Жанейро, и Америки нет, и Европы нет, ничего нет, – со злостью говорит он. – И вообще последний город – это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана. <...> Заграница – это миф о загробной жизни. Кто туда попадет, тот не возвращается».

Помните ли вы тот вечер на Турксибе, когда Бендер добился своего миллиона?

«Остап вдруг опечалился. Его поразила обыденность обстановки, ему показалось странным, что мир не переменялся сию же секунду и что ничего, решительно ничего не произошло вокруг. И хотя он знал, что никаких таинственных пещер, бочонков с золотом и лампочек Аладдина в наше суровое время не полагается,

все же ему стало чего-то жалко. <...> Тайна раскрыта, цель достигнута, делать больше нечего, и надо менять профессию».

Менять профессию... Разочарованию Бендера эхом откликается его финальная декларация: «Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы!».

Путешествие командора и его приключения закончились на льду Приднестровья. Закончились не традиционным *прощанием с родиной* (вспомним байроновского Чайльд-Гарольда, героя, совсем не чуждого русской литературе: «Прощай, прощай, родимый брег...»), а *возвращением* – без миллиона, без иллюзий, с одним только трофеем – чудом сохранившимся в битве орденом Золотого Руна.

* * *

Виктор Шкловский, которого мы цитировали в начале предисловия, сумел оценить приключенческий «привкус» в сочинениях Ильфа и Петрова. В год выхода романа «Золотой теленок» (1933) он сблизил соавторов с героями книг о путешествиях и приключениях:

«Ильф и Петров – чрезвычайно талантливые люди.

Когда я их вижу, я вспоминаю Марка Твена. Мне кажется, что чуть печальный Ильф... – Том Сойер. Фантаст, человек литературный, знающий про лампу Аладдина и подвиги Дон Кихота, он человек западный, культурный, опечаленный культурой. Петров – Гек Финн... мне кажется, что Петров смеется, когда пишет».

Москва

